

Первый

Светлана Баш

У детей свои
проблемы

Муромчик. 1990г. 19

Светлана Баш

Светлана Баш

У детей свои проблемы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40942795

ISBN 9785449633347

Аннотация

Истории детей и подростков – быт, проблемы и успехи. Жизненные истории с увлекательным сюжетом. Главный мессендж всего сборника — романтика дружбы. Дружба бывает разная, главное ее найти! Герои рассказов сталкиваются с различными проблемами, например, такими, как одиночество. И в этом приключении под названием «жизнь» не так уж просто найти друга, но они ищут и борются за дружбу.

Содержание

Первый	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	17
Первый 2.0	19
ПЕРВЫЙ 3.1	31
ПЕРВЫЙ 3.2	45
Новенький	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

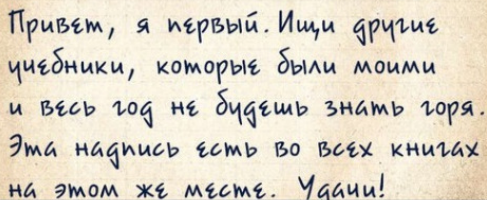
У детей свои проблемы

Светлана Баш

© Светлана Баш, 2019

ISBN 978-5-4496-3334-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

A rectangular piece of aged, yellowish paper with a dark border, containing handwritten text in black ink. The text is written in a casual, slightly slanted cursive script.

Привет, я первый. Ищи другие учебники, которые были моими и весь год не будешь знать горя. Эта надпись есть во всех книгах на этом же месте. Удачи!

Путеводитель по хронологии событий.

Первый

Глава 1

В шестом классе я получала учебники. Проверая их на предмет различных недостатков и брака, в одном из учебников я обнаружила надпись простым карандашом: «Привет, я – Первый. Ищи другие учебники, которые были моими, и весь год не будешь знать горя. Эта надпись есть во всех книгах на этом же месте. Удачи!»

Итак, мне тринадцать, я обнаруживаю загадочную надпись в учебнике, и она побуждает меня к действию. Что делать? Конечно же, повиноваться и пуститься в приключения с головой. Эта надпись увлекла меня. К тому же, в том возрасте я отчаянно верила, что приключения и фэнтези-мир точно ждут меня и начнётся это всё примерно так.

Немного погодя, я начала рассуждать.

Надпись я обнаружила в учебнике по истории, на странице содержания: туда редко заглядывают при проверке, поэтому я подумала, что вполне могу выменять все учебники этого «Первого», а дальше уж и посмотрим — что делать. Так и вышло. К концу второй четверти я выменяла у всех шестиклассников из параллели все учебники этого загадочного персонажа. Это оказалось не так-то легко. Некоторые

ребята из параллельных классов, узнав, что мне нужен их учебник, противились и не хотели меняться: пришлось подкупать, благо запросы небольшие. Мальчишки обходились чипсами, а девчонки – журналами о моде.

А еще, путём логических мыслиисчислений и небольших знаний, я вывела, что этот первый – семиклассник. Потому как учебники закупали в прошлом году.

...На зимних каникулах я изучала все подписки и комментарии, которые не могла прочитать, так как учебники были ещё не у меня. Но вперёд забегать не стала. Решила, что это было бы не честно.

Кроме ознакомительной подписки, в начале учебника были комментарии по поводу настроения учителя в день преподавания темы. Например: «Лидия Петровна, кажется, не выспалась. Ей бы вместо того, чтобы рассказывать про ледовое побоище, кофе выпить. Ну, нельзя детям с такими щами историю преподавать, помереть же можно!»

Самое интересное, что такие комментарии были зачастую очень в тему и веселили меня, делая не самое весёлое время в школе чуточку интереснее.

В учебнике по алгебре к самым сложным уравнениям мелким почерком были подписаны пути решения, но не ответ. Этот Первый оказался на редкость сообразительным и вместо самого ответа лишь разъяснял, как решить. Так что нелюбимая мной математика стала одним из самых любимых предметов в школе.

В конце года на форзаце учебника биологии я обнаружила инструкцию:

«В учебнике по математике есть кармашек для формуляра, аккуратно разбери его – там следующее послание».

Разобрав кармашек, я поняла: приключения только начинаются.

Там было написано: «Ищи меня в следующем году!»

Глава 2

30 августа в 8.00 я уже стояла на пороге библиотеки.

Спросите меня, зачем?

Да чтобы не мучиться и не выменивать книги у учеников из параллели: мне вообще-то это не слишком понравилось в прошлом году. Да и комментарии от моего загадочного друга, и вправду помогали в учёбе, поэтому хотелось бы получать их вовремя. А не тогда, когда уже прошли тему.

Новый учебный год, новое приветствие на странице с указанием издательства:

«Привет, это снова я. Надеюсь, эту надпись ты обнаружишь уже второй раз, иначе обидно, если бы мои предыдущие старания не были оценены. В общем, сложно предугадать, в курсе ты или нет, но добро пожаловать, Боец! Я – Первый, и я тебе помогу».

«Ещё как в курсе...» – подумала я и с нетерпением стала ждать прохождения новых тем по любым предметам, лишь бы снова увидеть знакомый почерк, который уже стал таким родным за тот год. Я для себя решила: любопытство, конечно, хорошо, но всему своё время, – и просто ждала.

По учебникам к концу седьмого класса я поняла, что мой таинственный инкогнито лучше всего разбирается в праве, математике и химии, так как в учебниках по этим предметам было больше всего пометок.

Зато не любит русский язык: в основном, из-за нашей «русички» – старой гримзы, которая снижает оценки за помарки. За помарки, Карл!

На уроке литературы я обнаружила очень интересную пометку:

«Капитанская дочка, конечно, ничё такое произведение, но, знаешь, мне больше Булгаков нравится».

Я сразу поняла, что это намек. У Булгакова оказалось немало литературы в нашей школьной библиотеке, некоторые книги были в нескольких экземплярах. Но я не сдавалась, а, включив голову, додумалась, что одно из самых популярных произведений – «Мастер и Маргарита». Взяв книгу, я поспешила в школьный туалет и заперлась в кабинке. И, конечно, на странице содержания меня ждало приветствие. Это была наша первая «встреча» вне учебы.

Во всех книгах, которые он советовал, было гораздо больше комментариев, чем в учебниках; видно, что он любил читать.

В тот год я прочитала много хороших книг благодаря Первому, он стал моим учителем не только в школе, но и в свободное время. Я в какой-то мере даже начала считать его своим другом.

Глава 3

В восьмом классе я, привычно самая первая, взяла все книги в библиотеке, сортируя, моё это или нет.

Библиотекарь уже не впервые на меня посмотрела, когда я облегчённо вздохнула, открыв книги на содержании. Но ей-то откуда знать, что меня так радует?

Всё лето я ждала похода в библиотеку и продолжения этой игры. Школа перестала быть для меня каторгой, а учёба стала гораздо интереснее.

Комментарии всё так же радовали меня, помогали учиться и находиться в хорошем настроении.

По совету Первого я также продолжала читать книги.

...Урок музыки.

Нам раздали брошюры с текстом разучиваемой песни.

Я привычным движением раскрываю на содержании — пусто!

Весь урок сидела как на иголках. Как же так? Я думала, тут что-то интересное будет...

После урока вызвалась помочь учителю собрать брошюры. А на перемене спросила, можно ли посмотреть их, прикинувшись, будто интересуюсь программой.

Я нашла! Но из-за того, что эти брошюры не выдаются на дом, я боялась, что кто-то узнает наш секрет. Мне при-

шлось выкрасть брошюру.

И вот – конец года. Мы учим «Катюшу», а под ней комментарий:

«Патриотизм, военные песни. Если хочешь, чтобы душа реально взлетала, послушай Fall Out Boy – Headfirst Slide Into Cooperstown On A Bad Bet. Договорились?»

Песня меня очень вдохновила, как и группа. Оценив музыкальный вкус своего друга, я всё лето упивалась новой музыкой.

Глава 4

Заветные книги у меня.

Всё как всегда: пометки, комментарии, советы книг, музыки.

И тут я поняла.

Это конец!

Общение получается какое-то одностороннее. Я же ни разу ни в одной книге не написала ответ. А вдруг он ждёт, что его собеседник с этой стороны пошлёт ему весточку, захочет подружиться? В конце концов, поблагодарит?

И до меня дошло ещё кое-что.

А что, если он выпустился и после девятого пойдёт в колледж? То есть, его уже может не быть в школе...

С этого момента началась моя история порчи школьного имущества.

Мне пришлось заново брать все книги из библиотеки и писать там ответы Первому на случай, если он всё ещё учится у нас и ждёт ответа – а это, между прочим, единственные книги, которые в свободном доступе: ну, вроде как открытый чат. Можно брать и сдавать.

После этого я стала каждую неделю проверять их на предмет появления новых подписей.

Их не было.

И я пошла на крайние меры. Я стала отслеживать по рас-

писанию десятиклассников, на переменах пробиралась в их кабинеты и на двух партах из одного кабинета писала: «Привет, Первый, жду тебя сегодня в 19.00 возле футбольного поля школы». Почему на двух?

Четыре класса, две парты, восемь надписей, десять минут перемены. И всего лишь одна я, которая писала и бегала по этажам.

Я надеялась на удачу. На эти встречи я приходила каждый вечер. Но, конечно же, наблюдала издалека: вдруг придёт не тот? А как понять, что это «тот»? Сама не зная, я надеялась, что пойму с первого взгляда, как в кино.

Целый месяц я каждый день портила парты в надежде на встречу.

И тут в столовой на одном из столов, которые предназначались для девятых классов, я увидела надпись. Вообще, это не мой стол был, а параллели, но меня зацепило почему-то. И я, нагло растолкав обедающих ребят, увидела знакомый почерк: «Боец, не ищи Первого. Я неуловим. Лучше отмой все парты за собой, иначе не буду писать пометки для десятого класса».

Этот текст точно для меня. И никто ничего не понял. Это как обычная записка, каких много бывает на столах. Многие даже внимания не обратят, если не ждут, конечно. А я ждала.

Уф. Не выпустился. Игра продолжается!

Следующий день я самопровозгласила своим личным субботником и отмыла все свои писульки.

Что же теперь делать? Как его найти?

Так началась моя история шпионажа. Я написала дома 68 бумажек с надписью: «Я знаю, это ты пишешь на полях!». 68 – потому что именно столько парней во всех десятых классах.

Записку написала без прозвища, иначе сразу бы пошли слухи и план бы сорвался, а о том, что кто-то пишет в учебниках, знаю только я. Теперь остаётся подкидывать по бумажке каждому из парней и следить, как они их обнаружат. По четыре бумажки в день, пять дней в неделю. За месяц я наподкидывала макулатуры в куртки всех парней десятых классов и пару раз чуть не попалась. А один раз влюблённая десятиклассница подумала, что я хочу отбить её парня. Ох, и убежала я!

Реакции на записки были такие: либо удивление, либо безразличие. Никто странно себя не вёл – он себя не выдал. Сложно было из одинаковых реакций выбрать кого-то, кто как-то выделялся, ведь не выделялся никто. Все были практически идентичны. Провал.

Но, думаю, внимание я привлекла. И либо он перестанет писать, либо он уже знает, кто его ищет. Я ведь особо не заботилась о том, чтобы быть незамеченной.

Итого, какие результаты мы имеем: конец года; Первый всё ещё учится; он знает, что его ищут; возможно, он знает, кто именно его ищет.

Замечательно.

Глава 5

Всё по-старому. Я донашиваю учебники первого, но теперь уже за десятый класс. На одной из первых страниц он отчитал меня за то, что я его ищу. Стало обидно. Я-то думала мы друзья. Ах да, мы ведь даже не знакомы!

Я так его и не нашла и совсем не знаю, что делать.

Видимо, он не хочет открывать тайну, но этот год – последний шанс познакомиться. Как он не поймёт?!

Продолжив шпионить за мальчиками из теперь уже одиннадцатого класса, я не получила ровно никакого результата.

Решив действовать кардинально, я написала двести записок с текстом «Твой Боец ищет тебя, дай знак». Разбросала во всех укромных и не укромных местах школы, лишь бы кто заметил.

Ответа не последовало ни в течение месяца, ни к Новому Году. Тишина.

В итоге я плюнула на это дело, но иногда продолжала проверять книги в библиотеке – ну мало ли!

Сама начала готовиться к ЕГЭ, которое предстоит уже через полтора года. Ушла в учёбу с головой, пользуясь помощью Первого в учебниках.

Год подошел к концу. Никаких знаков. Никаких надписей в столовой или классах. Только комментарии и пометки в учебниках и всего пять новых книг.

Глава 6

30 августа. 7.55 утра. Я, новоиспечённая без пяти минут одиннадцатиклассница, стою у дверей школы. Нервно поглядываю на часы. Пять минут показались вечностью.

Вот восемь часов, двери открываются, и я лечу в библиотеку. Привычно начинаю шарить по стеллажам с учебниками.

Когда прошерстила все учебники алгебры за одиннадцатый класс и не нашла ни одной надписи, у меня ухнуло в груди. Это конец?

– Скажите, а в этом году, летом, вы делали ревизию, да? – промямлила я. Кажется, в тот момент я была близка к инфаркту.

– Да, к нам приходили студенты и помогали нам приводить учебники в порядок. Какие порвались, какие были исписаны.

– А те, которые были исписаны, – что вы с ними сделали?

– Некоторые списали, некоторые исправляли корректором или стирали надписи.

– Можно посмотреть списанные?

– Да, конечно. А зачем?

– Пожалуйста, не спрашивайте!

В горе списанной литературы оказались книги, почёрканные ручкой. Книги Первого были исписаны карандашом,

значит, его пометки просто стёрли.

Это конец!

...

К Новому Году я начала понемногу приходить в себя. Хотя было немного грустно и всё так же хотелось познакомиться с Первым, но теперь всё потеряно. На каникулы я взяла книгу: сборник рассказов Чехова, из школьной библиотеки.

Дойдя до рассказа «Палата №6», я увидела знакомые, выведенные карандашом, маленькие букочки: «Похоже на нашу школу».

Это он! И эту книгу он мне не советовал! Значит, он всё-таки писал заметки за одиннадцатый класс.

И тут до меня дошло...

...

Десятого января, после зимних каникул, я мчу в школу как угорелая.

В библиотеке прошу все книги, которые брала за эти годы по совету Первого.

Из каждой вынимаю формуляр, в котором отмечено, кто брал книгу. Имя, фамилия и класс.

И...

Во всех книгах есть одно имя, которое повторяется ровно во всех книгах. Примерно через два-три человека передо мной.

Это точно он.

Теперь я знаю имя, фамилию, возраст, школу и класс, где он учился. Можно найти в социальных сетях, но есть проблема: он там может быть зарегистрирован не под своей фамилией.

Попытка не пытка, подумала я. И нашла двух человек с полностью идентичными данными. Надо же, какое совпадение. Полные тёзки учились в одном классе.

Терминальная стадия расследования.

Что написать?

Как не выдать секрет?

И я решила играть, как Каспаров против компьютера. По-крупному!

Я начала два полностью одинаковых со своей стороны диалога с обоими ребятами.

Разговоры подошли к хобби. Я ответила, что люблю читать и слушать музыку. Попросила посоветовать, что почитать или «хорошее музло».

Один из них скинул песню «Fall Out Boy – 27».

– Первый, я тебя нашла!

Первый 2.0

В тот день я пришёл со школы с полным рюкзаком учебников, некоторые не вместились, поэтому у меня был ещё и пакет. Спина отваливалась, и я отложил разбор учебников

на потом. Сам же, удобно устроившись на диване, включил телевизор и смотрел мультфильмы. То ли мультфильмы были скучные, то ли поход в школу меня так утомил – не знаю, но меня сморил сон.

В обед пришла мама и разбудила. Посмотрел на часы — 14:20 – самое время заняться делами: всё-таки завтра уже линейка, а послезавтра – уроки. После линейки хотелось бы ещё погулять, и поэтому, чтобы не утруждаться завтра, я приступил к разбору учебников.

Математика, литература, немецкий, биология – вроде всё на месте. И тут мне на глаза попался учебник ненавистного мне русского языка. Обложка потрёпана, а некоторые страницы отходили от корешка. Мало того, что я терпеть его не могу, так у меня ещё и учебник самый стремный.

«Да уж, надо обязательно сказать спасибо Наталье Валерьевне!» – со злобой вспомнил я о школьной библиотекарьше.

Теперь вместо спокойного вечера перед линейкой мне предстояло корпеть над книгой, приводя её в надлежащий вид.

Расставив остальные книги по полкам, я вернулся к столу. Передо мной лежал учебник русского языка, который, кажется, отняли у самого Виктора Виноградова. Открыв страничку, где указана информация об издательстве, рядом с его названием я увидел год выпуска. Этой книге на момент нашей «встречи» было столько же лет, сколько и мне. Забавное

совпадение, но моё внимание привлекла надпись под названием издательства, сделанная простым карандашом, немного стёртая от времени, но вполне читаемая.

«Привет! Не обращай внимания на то, что учебник старый: это значит, что у него есть история. Ещё встретимся!» – для меня, как для человека, который любит компьютерные игры с квестами, эта надпись стала неким началом новой жизни или даже игрой – со мной в роли главного персонажа.

...

Учебник и правда обладал своей историей: кроме подписи в начале я обнаружил ещё кучу в ходе учебы. Кроме того, по почерку я понял, что надписи принадлежали не одному человеку, а нескольким: как минимум, трём людям. Чаще всего, конечно, попадались надписи от одного человека: я его даже назвал Первым, потому что он был первым, кого я нашёл в книге. Часто к упражнениям, где использовались художественные отрывки, были подрисованы небольшие комиксы с диалогами, а иногда и смешные шутки.

В одном упражнении со стихотворением было дописано две строчки в стихотворной форме, но с матами. По почерку это был не Первый, но мне всё равно понравилось. Я хранил эту книгу весь год бережнее остальных и никогда не делился учебником с соседом, если он забыл свой, ведь выдать секрет значит потерять смысл игры.

Кроме весёлых моментов в учебнике была небольшая по-

мощь в форме проверочных слов для определения корня в особо сложных словах, всякие синонимы-антонимы и пометки с ударениями. Возможно, этот человек вообще для себя это подписывал и забыл стереть, но как же кстати, мне припала эта помощь!

К концу года я чувствовал, как привязался к этому книжному ангелу-хранителю. Я весь год думал, как бы найти его, но так как учебник старый, то предположил, что того самого Первого уж точно нет в школе, а его последователи, скорее всего, намного старше меня. Но узнать, кто это, мне всё равно было интересно.

В конце года мне было очень жалко отдавать этот учебник: он стал мне как родной. Но я решил, что в следующий раз специально буду выбирать самые старые учебники: вдруг попадется ещё что-то наподобие. И я действительно сказал спасибо Наталье Валерьевне: если бы не она, я бы никогда не узнал ничего и продолжал бы ненавидеть русский язык от всего сердца!

И вот я, вдохновлённый шестиклассник, иду в школу получать учебники, и впервые в жизни я делаю это с радостью и интересом. Я захожу в школу, считая метры до книгохранилища – а оно у нас отдельно от библиотеки, на четвёртом этаже.

Дверь ещё закрыта, но ровно в восемь утра Наталья Валерьевна придёт и будет выдавать книги.

Думая о том, как бы договориться с ней, чтобы она выдала мне старые, я стоял около книгохранилища и уже даже придумал причину. Кому, как не мне, отдать самые плохие учебники? Ведь я отличник, гордость школы, смогу привести их в порядок, так что и после меня дети смогут по ним учиться ещё не один год. Только я сформулировал текст в своей голове, как подошла библиотекаря и открыла дверь. Она сразу, без приветствия, нырнула в стеллажи, а через пару минут вернулась со стопкой новеньких, ещё пахнущих древесиной и типографской краской учебников, опустила их на стол передо мной.

– Скажите, пожалуйста, а не могли бы вы дать мне старые учебники? Я просто подумал, что мог бы оказать помощь школьной библиотеке: мне в прошлом году попался учебник-развалюха по русскому языку, но я его восстановил, теперь им вполне можно пользоваться. Может, я и в этом году так же поступлю? – начал я было своё наступление.

– Спасибо тебе, конечно, но в этом году у нас нет старых учебников. Все учебники, кроме прошлогодних, списаны: часть из них передали в детские дома, часть сдали в пункт сбора макулатуры за денежное вознаграждение. Если хочешь помочь, можешь спросить в приёмной директора школы адреса детских домов и там заняться работой, а твоё стремление очень похвально. Молодец! – библиотекарь улыбнулась мне. Тут же к ней подошли другие ребята, начался галдеж и восхищения по поводу новых учебников.

А я стоял и смотрел на новые книги в полной прострации. Я уже не тешил себя надеждами найти его, того самого таинственного бумагомараку, но просто продолжать учиться под его «крылом» было бы для меня лучшей долей.

Домой я пришёл со слезами на глазах.

В то время я был одинок – да и кому нужен страшненький друг, заучка и ботан? А этот писака из учебника, пусть я даже никогда не узнаю, кто он, просто стал моим другом по духу, или как это называется? Не имеет значения! Главное, что теперь и этого у меня нет.

Первые два месяца шестого класса я ходил в школу как на автомате, а русский язык стал ненавидеть ещё сильнее, чем раньше. Я учился как прежде, получал свои хорошие отметки, но ничего больше меня не радовало и не приносило удовольствия.

Наступили осенние каникулы, я сидел дома. Как всегда один. Иногда я читал книги, иногда смотрел телевизор. И в последний день каникул я проснулся с мыслью, что я этого так просто не оставлю. Я открыл учебник русского языка на странице содержания и написал простым карандашом:

«Привет, я – Первый. Ищи другие учебники, которые были моими, и весь год не будешь знать горя. Эта надпись есть во всех книгах на этом же месте. Удачи!»

За последний день каникул я старательно заполнил все учебники, везде написал вводную записку.

Написал комментарии и пометки по темам, иногда добавляя обращения от себя к следующему пользователю учебника. Периодически вспоминая какие-то детали из жизни в школе я откровенничал со своим будущим другом на страницах учебника.

Также я много читал, и кроме книг школьной программы мне хотелось с кем-то разделить восторг от прочитанных мной произведений. И в седьмом классе я впервые решил сделать отсылку к внеклассным книгам из той же школьной библиотеки. Хотя я и брал книгу «Мастер и Маргарита» из городской библиотеки, я подумал, что поиск книги с моими комментариями был бы слишком сложным в городе: как минимум, восемнадцать крупных библиотек, которые я знал – не писать же адрес, в конце-то концов! Поэтому мне пришлось взять эту книгу в школе, перечитать её ещё раз и по свежим впечатлениям писать пометки.

Я не знал, обратит ли внимание хоть кто-нибудь на эти надписи, и даже если обратит, то как устроить всё так, чтобы этот человек, начал относиться ко мне так же, как я к своему вдохновителю. Если бы он мне написал что-то вроде «В полночь явился на перекрёсток трех дорог по адресу...», я бы однозначно пришёл, плюнув на безопасность и прочие проблемы параноиков, потому что безоговорочно доверял ему.

Поэтому я собрал всё своё терпение в кулак и продолжал

усердно заполнять учебники: это стало как моя внеклассная работа по вечерам. Я посвящал в свои литературные вкусы, помогал в учебе, если это, конечно, можно называть помощью.

Я ждал хоть какого-нибудь ответа, да хоть запись на стене или на парте, но ничего не происходило. Год за годом. Я даже специально садился на разные парты, чтобы отслеживать новые надписи. В восьмом классе я начал слушать зарубежный поп-рок, и наткнулся на группу FOB.

Я впервые решил написать комментарий на раздаточном материале прямо на уроке. Это, конечно, был риск и для меня и для моей репутации порядочного ученика, а также, если бы меня поймали, раскрылась бы моя тайна. Но, к счастью, я сел за последнюю парту и остался незамеченным.

Так как никаких ответов не было нигде, а я проверял парты, столы в столовой и даже один раз взял одну из книг, которую советовал, и, ничего не обнаружив, я решил заканчивать с этой игрой. Я поставил себе испытательный срок и заполнял учебники до конца девятого класса.

К десятому классу я бросил эту затею: было, конечно, немного обидно за такое количество потерянного времени, но я уже перерос то время, когда верил в «светлое будущее». Я продолжал учиться, потихоньку входя в коллектив одноклассников, ведь после девятого класса основная масса «шпаны» отсеялась, и теперь наш класс большей частью составляли такие же заучки, как и я. Особо общих интересов

мы не нашли, но, знаете, иногда приятно, давась столовской булкой, болтать с кем-нибудь на перемене.

...

Возвращаясь после столовой, я увидел на соседней парте надпись. Обычно у нас все сидели на своих местах, и надпись на парте могла быть адресована именно тому, кто сидел за партой. Но я, не обременённый этикетом, обошёл парту и прочёл надпись. Она была адресована не соседу.

А мне.

Я тут же стёр её пальцем.

На меня накатили такие противоречивые чувства! С одной стороны, я был рад, что меня, наконец, признали, что у меня, наконец, появился тот друг – пока заочно, но всё же. С другой стороны, я почему-то был напуган и удивлён. И не знал, что делать дальше. Чёрт возьми, да меня самого повеселила ситуация – сам придумал и сам передумал. Как девчонка, честное слово!

Так как это была первая весточка «с того света», я решил пока остаться инкогнито. На встречу я пришёл, но сделал вид, что просто играю в футбол на корте, и никого я там не заметил.

Спустя время такие же надписи я видел в других кабинетах и на других партах и, подумав, что надо это прекратить, написал в столовой на всех столах для девятиклассников, восьмиклассников и семиклассников, чтобы заканчивал. Я

хоть и надеялся, что мой навязчивый друг будет на год младше меня, но кто мог дать гарантию, что это не кто-нибудь из тех, что помладше?

Как ни странно, на следующей неделе все надписи с парт были стёрты, чему я был рад, ведь теперь наш секрет на двоих останется секретом. Не дай бог кому-то из моих одноклассников узнать об этом: засмеют или не поймут, однозначно.

Исходя из того, что меня стал искать мой будущий, пока незнакомый мне друг, я продолжил заполнять учебник и за десятый класс тоже. Живя размеренной жизнью удовлетворённого человека, я начал даже наслаждаться этой игрой в кошки-мышки, ведь чем дольше мы ждём, тем приятнее будет знакомство: это я в книгах читал, тем не менее, это утверждение засело в моей голове.

Через пару недель я заметил в гардеробе старших классов мелкую девчонку, которая копошилась в куртках парней. Сначала я было хотел позвать охранника, ведь воровство — это нехорошо, но потом увидел, как она вкладывала записку в карман моего одноклассника.

«Влюбилась, наверное» – подумал я и зашёл за угол, чтобы не смущать своим присутствием романтическую персону. Я в общем-то даже забыл об этом случае и не придавал ему особого значения до того, как не обнаружил в своём кармане хрустящий листок бумаги размером 5x5. Я спокойно достал

его и развернул.

У меня загорелись уши.

«Я знаю, это ты пишешь на полях!» – гласила надпись.

Я не стал оглядываться, ведь так можно обнаружить себя. Я постарался придать себе как можно более равнодушный вид, смял листок и выкинул в ближайшую урну. Я тут же вспомнил о той девчонке. Из-за того, что я не придал значения той истории с копошением в куртке своего одноклассника, я даже не запомнил, как она выглядит. Боже, она была так близко! Вот это пронесло так пронесло...

Уже вечером до меня дошло разочарование. Я хотел друга, а получил девчонку? В том возрасте я уже был на пути полового созревания и прекрасно понимал, к чему может привести знакомство с девчонкой, но это было бы как приятный бонус, а не цель всей моей кампании. Я хотел друга, чёрт возьми, а получил это? В общем, в тот вечер я был зол и даже хотел закончить эти игры, так и не открывая личности. Но что-то не давало мне это сделать: нельзя было оставлять всё так, ведь столько лет было потрачено! Да и раз уж человек интересуется мной, значит, он нашёл в моих вкусах отражение своих – это и могло бы стать отличным фундаментом для дружбы.

...

По школе стало невозможно ходить: то тут, то там из всех углов и заначек сыпались бумажки – я даже не стал

их разворачивать, просто собирал и выкидывал. Я поставил себе цель: мы обязательно познакомимся с той девчонкой, но не сейчас. Я должен окончить школу инкогнито, и вот когда я уже покину стены моей альма-матер, тогда всё и случится.

Я ответственно подошёл к заполнению учебника за одиннадцатый класс, потому что и мне, и моей подруге предстояло сдавать экзамены, а это очень важно.

Я закончил школу и поступил в университет в соседнем городе, и так как учёба моя предполагала, что я буду далеко от дома, то знакомство я отложил на конец года, чтобы летом уже увидеться: я спланировал все заранее и оставил нужные координаты в книгах.

В общем, моя жизнь превратилась в сплошное ожидание лета.

...

После зимней сессии я наконец-то вернулся в свой город. Я планировал провести праздники с семьёй, а на остатке каникул встретиться со своими немногочисленными друзьями и знакомыми.

В один из последних вечеров ко мне в друзья «постучалась» девушка. Я добавил её, мы начали общаться. Через некоторое время она попросила посоветовать, что послушать. Я как раз слушал песню FOB-27, её же и скинул.

После её ответа мои уши загорелись как тогда, в десятом

классе.

– Первый, я тебя нашла...

ПЕРВЫЙ 3.1

Люди, которые имеют что-то, чем бы это ни было, порой совсем не ценят этого. Многие из нас принимают то, что у них есть, как должное. Вот и я имела всё, но при этом ещё и имела наглость жаловаться на жизнь.

Я училась в четвертом классе, и у меня было всё. Были друзья, крыша над головой, а самое главное – семья. Мои родители любили меня, а также они, конечно, любили друг друга, как без этого. Это была любовь на века...

Как любила вспоминать мама, они с папой познакомились ещё в школе и, бывало, до сих пор вели себя как влюблённые подростки.

На тот момент я училась в одесской школе №17, говорила на украинском и русском, а дополнительным языком на занятиях с репетитором изучала французский, чтобы с пятого класса учить его в школе. Мама посчитала, что лишняя подготовка мне не мешает. А лучше бы я учила русский, ведь говорить по-русски это одно, а писать – совсем другое. Да и в будущем мне бы это очень пригодилось.

В один «прекрасный» день я вернулась со школы и меня огорошила мама.

– Мы скоро переезжаем в Россию! – сказала мама и обня-

ла меня. Сама она была счастлива, что хорошо прослеживалось по уголкам её губ, которые, казалось, пришили к ушам, а вот обо мне этого сказать было нельзя.

Как оказалось, мой папа работал в филиале русской компании, который находился на территории Украины, но по каким-то внутренним причинам этот филиал прикрыли, а папу, как хорошего специалиста, не сократили, а пригласили работать в русский, при этом пообещав обеспечить жильем. От такого счастья мои родители отказаться не могли, и всё было решено ещё до того, как я успела сказать: «Какая такая Россия?».

Папа, кстати, был рад не меньше мамы, а даже гораздо больше, ведь папа, урождённый русский мальчик, приехал сюда с семьёй в возрасте четырнадцати лет. Тогда его родители точно так же переехали сюда из-за работы. И тогда-то они с мамой и познакомились. Папа был новеньким, и его посадили к одной из «ударниц» класса, чтобы она помогала ему в учебе.

Противостоять я этому, конечно же, не могла никаким образом. Но, о боже мой, как же я тогда была недовольна! Так как на тот момент шла последняя четверть, чтобы я успешно окончила начальную школу и не переходила в новую под конец года, папе дали большой отпуск и обещали «обязательно его дождаться». Я же заканчивала учебный год со слезами на глазах, писала эти чёртовы контрольные и пыхтела от злобы.

– Я понимаю, что у тебя друзья, но и ты нас пойми! – кричала мама, когда я заливалась в истерику, запираясь в своей комнате. – Ну услышь ты уже меня! Сколько можно объяснять? Если папа откажется от предложения, здесь ему будет трудно найти такую работу: у нас в городе сейчас мало запросов по этой отрасли, понимаешь? Папа хороший специалист, но он может просто-напросто остаться без работы!

– Мам! У меня тут друзья! А там – никого! – сквозь слёзы и дополнительную преграду в виде двери кричала я.

– Дочь, ну это не проблема! Возьми у них адреса, мы будем писать им всем письма. Мы будем общаться и, может, когда-нибудь мы вернёмся сюда жить, а ещё ты можешь приезжать сюда каждое лето к бабушке или тёте.

Мама была дипломатом нашей семьи по части уговоров, поэтому сломить мою детскую истерию ей почти не составило труда. Правда, истерики я закатывала почти все три недели перед отъездом, но всё же я смирилась со своей участью и почти добровольно после окончания четвёртого класса, поехала в Россию.

В России мы жили не в столице, как я хотела бы: мне почему-то казалось, что раз уж ехать, то ехать обязательно в Москву. Размениваться на провинцию соседнего зарубежья (хотя я тогда и слов-то таких не знала, но суть понимала) было уж совсем обидно для одиннадцатилетней девочки,

которой пришлось оставить всех своих друзей – а это, между прочим, большая потеря.

В середине лета мы уже получили квартиру и обустроились там, а у меня была ещё половина лета, чтобы добыть себе хоть каких-нибудь друзей к началу учебного года. Мои поиски увенчались громким и трескучим провалом. Летом поразительное количество молодёжи моего возраста сплавляли по деревням и лагерям, и как минимум в шести соседних дворах мне удалось обнаружить только подростков, которые для меня были слегка «староваты», или совсем маленьких детей, которые даже не учились в школе. Жариться на улице в одиночку, честно говоря, – то ещё удовольствие. Поэтому моим летним другом стал телевизор. А зря!

Лучше бы я подтягивала учёбу, ведь мне предстояло учиться в новой школе, в другой стране и с другим языком. Разговорная речь несколько отличается от прописной, но кто тогда об этом задумывался? Правильно! Не я!

...

Возле ворот школы стоял и курил папа. Я, получив учебники, бежала к нему с пакетами, чтобы наконец передать. Домой мы шли, болтая о всяких глупостях, которые могли бы беспокоить ребёнка моего возраста. К тому времени я уже смирилась с тем, что мне придётся учиться в русской школе, и даже с интересом ждала того времени, когда я встречу со своими новыми одноклассниками. Среди ко-

торых мне, кстати, придётся искать себе друзей.

Уже вечером мы сели разбирать книги, стали рассматривать учебники. Они почти все оказались достаточно старыми и потрёпанными, но вот учебник по русскому языку мне достался кошмарный. Он почти весь был исписан простым карандашом – ничего вразумительного: какие-то каракули, иногда неприличные рисунки, а кое-где я даже вычитала стишок со «взрослыми» словечками.

– Пап, да что за жизнь-то такая?! – в тоне бабки-ворчуньи жаловалась я.

– Знаешь, а ведь это даже к лучшему! – начал вещать папа. – Из-за того, что учебник старенький, хотя он вообще-то ещё ничего – видела бы ты мои, у некоторых, например, отваливались страницы, а у учебника по алгебре за девятый класс... я сдал только обложку, она совсем развалилась... – папа слегка заболтался и, в конце концов, забыл, о чём хотел мне рассказать.

– Пап, хватит мне зубы заговаривать. Он старый. Это к лучшему. Почему?

– Если твоя маленькая умная головушка об этом не подумала, то папка-то уже обо всём подумал! – заговорщицки подмигнул мне отец.

– Папа! Ну хватит уже, говори! – никогда не любила такого. Сначала заинтригует, а потом смеётся над тем, как я вся извожусь, а ему только того и надо.

– Дочь, ты у нас кто? Украинка! Русскую речь знаешь – это

хорошо, но сейчас тебе придется изучать русский как родной язык, и требования у нас тут ко всем одинаковые, а ты, даже при том, что ты отличница, в русском... Ну, максимум на троечку. Дошло?

– Нет, пап. Я так и не понимаю, при чём тут то, что учебник-то у меня старый?

– Учебник старый, уже изрисованный, поэтому я могу помогать тебе заниматься прямо по учебнику, понимаешь? – папа был явно не в себе: естественно, он будет помогать мне заниматься по учебнику, не по букварю же.

– Ну и что? – непонимающе уставилась на папу я.

– Я могу делать пометки для тебя, и эти пометки в школе, на уроках, будут тебе подспорьем, этаким шпаргалкой – только маме не говори!

...

Первый урок русского языка случился уже третьего сентября, и я, открыв учебник на самой первой странице, под названием издательства увидела надпись:

«Привет! Не обращай внимания на то, что учебник старый: это значит, что у него есть история. Ещё встретимся!», красиво выведенную простым карандашом. До этого её там не было, и почерк был, конечно же, папин.

Папина работа предполагала частые командировки, и я тогда поняла, ЧТО он имел ввиду. Папа собирался помогать мне учиться, даже когда его нет рядом, потому что мама рус-

ский знала так же, как я, если не хуже, и вряд ли могла быть полезной.

После линейки первого сентября папа уехал по работе в соседний город, но в тот день, когда мы получили учебники, он, по всей видимости, нехило заморочился и сделал пометки на всё то время, пока он будет отсутствовать, чтобы мне было легче, иногда оставляя мне на полях послания, например: «Боброе утро! Русский язык – это не так страшно...» или «Старайся, и получишь шоколадку!».

И, честно признаться, без папиной помощи я бы скатилась на тройки, а папа, к тому же, был не тривиальным преподавателем-надзирателем, поэтому использовал разные педагогические методики. В одном из упражнений надо было подобрать однокоренные слова к тем, что написаны, и перед ним стояла папина приписка: «Чтобы тебе было легче, прочитай книгу „Лев, колдунья и платяной шкаф“, и, кстати, книга интересная!». Я никогда не отличалась непослушанием или недоверием папе и поэтому незамедлительно отправилась в школьную библиотеку, чтобы взять книгу и скорее её прочитать. Если папа говорит, что интересная, значит – это правда, а если он говорит, что мне это пригодится, то уж тем более. Папа меня никогда не обманывал и поводов ему не доверять у меня не было. За выходные я «скушала» книгу и вечером воскресенья сделала домашнее задание без проблем, что ещё раз укрепило мою веру в папины советы.

Мама периодически порывалась мне помочь, но, как я

и говорила, это было скорее помехой, чем помощью.

– Прочитайте текст и расставьте ударения в сказуемых и подлежащих, – читала мама задание и тут же начинала звонить подругам: – Алло, Марин, что такое сказуемое? Это глагол или существительное?

Папины росписи я ей, конечно, не показывала: мама не терпела порчи казенного имущества, даже если карандашом, даже если мы потом сотрём, как мы с папой и договорились, мама всё равно была бы недовольна. Поэтому это было нашим с папой маленьким невинным секретиком.

Периодически папа проверял меня лично, потому что, даже с его помощью, по русскому языку у меня преобладали четверки, я, бывало, нет-нет да где-нибудь провороню словечко или окончание перепутаю, особенно в глаголах.

Каждый раз, собираясь в командировку, папа на всю ночь забирал у меня учебник и заполнял его на две-три недели вперед. За что я была ему несказанно благодарна: это на самом деле было мне огромным подспорьем. Во второй четверти я сама взялась за голову, поднапряглась и закончила её с пятёркой по русскому языку.

Новый год мы встретили своим маленьким семейным коллективом. Первую половину каникул папа был с нами, но работа не ждёт, поэтому под конец каникул он начал собираться в большую рабочую командировку, забрал мой учебник и уселся писать. Мама уже спала, а он расположился в гости-

ной и всю ночь орудовал карандашом.

Утром, когда мы с мамой встали его провожать, он обнял меня, вручил мне учебник и сказал:

– Ну все, доченька, мне пора, учись хорошо, приеду – проверю! – папа пытался изобразить строгий тон, но напоследок улыбнулся. – Удачи, хорошо отдохните перед рабоче-учебной неделей!

Это были последние его слова. После нашего прощания я больше никогда не видела его... живым.

Он звонил нам пару раз, когда приехал, чтобы отчитаться, что всё хорошо, и ещё раз просто так: спросить, как мы.

Во время командировки произошла авария на заводе, для которого мой папа должен был делать план реконструкции или как это там называется, и в момент аварии мой папа был там. Произошло несколько взрывов и здание обрушилось, моего папу завалило обломками. Мама некоторое время не хотела мне говорить, что именно произошло.

Помню, как в тот вечер я пришла с горки, вся взмыленная, необычно весёлая, и увидела из коридора: на столе стояла бутылка с алкоголем, а рядом сидела плачущая мама. У меня сжалось сердце. Я подбежала к ней, начала выпрашивать, что случилось, почему плачет. Мама утёрла слёзы и сказала, что пока не может мне сказать, что она очень устала и пойдёт спать, и мы поговорим завтра. Спорить с ней было бесполезно: если она что-то решила, то уговорить её было просто невозможно. Поэтому я сама разогрела себе суп, поела и от-

правилась в свою комнату. Ночью я несколько раз проснулась от того, как мама всхлипывает, но я понимала, что пока она не захочет – ничего не расскажет.

Утром мама меня не будила: я проснулась сама, вышла на кухню, а там мама. Она пила кофе, не пожелала мне доброго утра, как обычно, не спросила ничего. Она просто пила кофе и смотрела на холодильник, где на магнитике было прикреплено наше семейное фото.

Когда я покушала, мама резко повернулась ко мне, глубоко вздохнула и уже было открыла рот, но так и не смогла ничего сказать. Она просто разрыдалась, опустив голову на кухонный стол.

Через некоторое время она смогла справиться со слезами и всё-таки рассказала мне, что нашего папы больше нет.

Я не плакала в тот день: скорее всего, это был шок. Потом началась суета, подготовка к похоронам. К нам домой приходили папины родственники, друзья. Потом привезли папу, но его я увидела только в траурном зале, на прощание с ним пришло очень много людей. Все подходили к гробу, что-то говорили, а я стояла в стороне. Я до последнего не хотела верить, что он умер, не хотелось его видеть и знать, что это последний раз.

Я не плакала, даже когда гроб закрыли крышкой, когда начали заколачивать, я не плакала, когда его закопали.

После того, что произошло, мама взяла на работе пару недель отгула, чтобы немного прийти в себя; я тоже не хо-

дила в школу. За это время, которое мы провели вместе, мы стали больше общаться, хотя после переезда я с головой ушла в учёбу и общалась в основном с папой.

Спустя некоторое время мы всё-таки смогли справиться со своими переживаниями: мама вернулась на работу, я с опозданием на две недели пошла в школу. Никто, кроме классного руководителя, не знал о нашей проблеме, поэтому в классе все начали расспрашивать меня, с чего бы мне такое «счастье», как две лишних недели каникул. Я молчала как партизан и старалась вести себя как обычно, через некоторое время все от меня отстали, и я смогла приступить к учёбе. В первый день у нас были две математики, биология и история, я старалась нагнать класс по оценкам, просила дополнительные задания и день в целом прошёл как обычный учебный день. На следующий день у нас в расписании стоял русский и литература.

Я равнодушно покидала учебники в портфель, приготовила с вечера одежду на следующий день и легла спать.

...

– Откройте учебники на странице 126, упражнение №14. Алексеева, прочти задание вслух, – учительница монотонным голосом уже с утра портит настроение, Лена Алексеева читает задание, а я немного опоздала на урок, поэтому достаю учебник только сейчас.

Открываю его на нужной странице, и мои глаза тут же на-

полняются слезами, а от кома, появившегося в горле трудно дышать, и нос, который в то же мгновение стал влажным и хлюпающим, ничуть не спас ситуации.

– Что с тобой? – на меня обратила внимание учительница. – Если тебе плохо, пройди, пожалуйста, в медкабинет.

Я не могла сказать и слова, даже не могла вздохнуть. Внутри грудной клетки как будто образовался камень, который начал давить на грудь изнутри, возникло ощущение, что я вот-вот свалюсь со стула.

Я смотрела в учебник, едва разбирая буквы, сквозь слёзы смогла разобрать надпись, торопливо и не очень аккуратно сделанную карандашом...

В учебнике было написано:

«Надеюсь, ты там не расслабляешься после каникул? Смотри, нахватаешь двоек, приеду – отпорю!».

Из-за всех хлопот, которые навалились на нас после смерти папы, я совсем забыла, что он оставил мне подсказки по учёбе, и теперь встретить вот такое «письмецо» было для меня с одной стороны шоком, с другой же... Он будто вернулся. Я снова отказалась верить в то, что он умер.

«Сейчас я приду, а папа вернулся из поездки», – в одно мгновение стало тепло от этой мысли.

«Мой папа умер...» – в следующую секунду сердце ухнуло в желудок.

Папа знал, что отправляется в долгую командировку, и заполнил мой учебник до конца третьей четверти, и, честно

говоря, мне не так уж нужна была эта помощь: я начала понимать русский язык, но мне нужна была его поддержка.

Эти надписи хоть и раздражали заживающую рану, но давали мнимое ощущение присутствия папы в моей жизни, потому как надписи я читала про себя, исключительно его голосом.

В учебнике он иногда шутил, иногда давал строгие наветы на будущее и будто был рядом.

После сделанного мной открытия я продолжила ходить в школу, каждый день ожидая «встречи» с папой. Я больше не пользовалась его подсказками, с уроками справлялась сама, но периодически перед сном перечитывала папины записки. Третью четверть я закончила на отлично, а в конце четверти в одном из последних упражнений, заданных на дом в период каникул я обнаружила послание:

«На этом всё, дальше давай самостоятельно!»

Когда я уже почти пережила эту потерю, он снова бросил меня.

В тот день я заперлась в своей комнате и проплакала весь вечер и часть ночи, пока не заснула.

...

Каникулы я провела дома, с мамой. Мы смотрели фильмы, ходили в парк. Весна вообще предполагает, что люди должны «выползать» из своих уютных хаток, гулять и радоваться скорому наступлению лета, но у нас с мамой было

немного не так. Мы гуляли, часто молча, просто разглядывая окружающую местность, иногда покупали сосиски в тесте в придорожных ларьках, нам не о чем было говорить, кроме папы, а разговоры о нём причиняли нам боль. Поэтому мы молчали.

Учебный год я закончила на пятёрки, даже по русскому языку я достигла этой отметки. Всё это благодаря ему, моему папочке.

Хотя мы и договорились, что по окончании года мы сотрём все надписи, – я не смогла. У меня просто не поднялась рука. Было очень жалко отдавать учебник, а маме я так ничего и не сказала. Я пыталась своими силами уговорить библиотекаря отдать мне его, но всё тщетно.

Тогда я пошла на крайние меры: я рассказала ей всё. Про то, как мы переехали, как папа начал делать записи для меня, как он умер, но оставил мне наперёд подсказки. Молодая девушка, конечно, очень впечатлилась моей историей, но никак не могла отдать мне его, но...

– Оставь мне свой номер или адрес: примерно раз в 10—15 лет у нас идёт полная ревизия, когда этот учебник спишут, а этим, между прочим, буду заниматься я, то я найду тебя и передам его тебе, как память об отце. Хорошо? – предложила Наталья Валерьевна. – Это всё, что я могу предложить.

Я согласилась, а что мне оставалось?

Когда мы разобрались с делами, после окончания пятого

класса мы с мамой вернулись в Украину, там я снова пошла учиться в свою старую школу.

Когда я сдала экзамены в девятом классе, как раз в день контрольной, я вернулась домой, и мама дала мне почтовое оповещение.

– Тебе по почте пришла посылка, ты что-то заказывала? – спросила мама, вручая мне листок с печатью.

Могу признаться, я даже забыла о нашем договоре с Натальей Валерьевной, а вот она нет.

Я вышла из почтового отделения с учебником русского языка за пятый класс.

ПЕРВЫЙ 3.2

– Первый, я тебя нашла...

– Подожди! Как? Почему так рано? – почти моментально пришёл ответ, который утвердил меня в моей догадке.

– Через библиотеку – сама не понимаю, как я раньше не додумалась! Может, сходим в кафе рядом со школой? Я расскажу, что случилось. Кстати, к чему ты спрашиваешь, почему так рано?

– В одной из книг, которую я тебе посоветовал и которую ты должна была прочитать в конце апреля, я оставил свой номер. Тогда, по идее, ты бы и познакомилась со мной, как и хотела.

– Оооо, мне многое тебе нужно рассказать... Через час жду тебя в нашем школьном кафе.

– Знаешь, я в общем-то рад за тебя и даже польщен. Но то, что ты меня нашла, не значит, что я буду с тобой встречаться. Ну, в смысле, я не обязан приходить. Понимаешь?

– Слушай, не пойму, так ты хотел быть обнаруженным или нет? Ты мне почему грубишь?

В тот день Первый мне больше не отвечал, примерно через час он пропал из онлайн и объявился лишь к вечеру следующего дня. Я долго думала, написать ему или нет. Мне уже начало казаться, что это конец игры и я так никогда и не узнаю человека, с которым заочно провела годы школьной юности. Но...

– Я не могу встретиться с тобой, я сейчас в другом городе, я приеду только после сессии, то есть летом.

– Хорошо, знаешь, я вообще-то могу подождать.

– Чтобы тебе было не так скучно, я кое-что приготовил для тебя.

– Что?

– Тебе предстоит выполнить сериационный ряд заданий, в конце ты узнаешь место и время нашей встречи. Сейчас я дам тебе первые координаты, а дальше там всё по порядку само «распутается», как клубок. А мне больше не пиши. По крайней мере, пока не закончишь.

– А что если я не справлюсь? Что тогда? Мы не познакомимся?

– Вообще-то в твоих интересах справиться, а что будет, если ты не справишься – хочешь проверить? Думай сама...

«Блефует или нет? Да нет, не может быть, чтобы он так просто от меня избавился», – думала я, а мой внутренний чайник уже испарил всю влагу и просто шипел от гнева.

Если он не хочет со мной общаться, то мог бы просто попрощаться, без всяких игр. Я за пять лет уже наигралась достаточно. Да и не может же быть, что он писал все эти записки, совершенно не рассчитывая на то, что его найдут. Полюбому думал об этом, а вероятнее всего, вообще всё это так и задумал.

– Окей, я в игре. Что делать? Вот только не говори, что первым заданием будет пойти нафиг, ладно? Хочешь избавиться – так и скажи, а если игра мне по силам, то давай её сюда! – написала я, а в голове кричала предполагаемым голосом Юлия Цезаря: «Вызов брошен, вызов принят. Хочешь игру? Будет тебе игра!». (*Alea iacta est* (с лат. – «жребий брошен»)).

– В библиотеке по улице Островского возьми все тома «Войны и Мира», прочитай их к концу месяца и постарайся быть внимательной: кое-где в книге я спрятал ссылку на сайт, зайди на сайт – всё поймёшь. Удачи!

– Да ты офигел, что ли? – моё негодование было не выразить никакими эмодзи.

– Всё, говорю, пока! – это последнее сообщение, которое он мне отправил.

«Да ты что себе позволяешь?» – написала ему сообщение я, но он добавил меня в чёрный список.

Играть или не играть – вот в чём вопрос...

Без вопросов – ИГРАТЬ!

Только игра какая-то не очень.

Четыре тома. Написанные не любимым мной классиком.

Осилить за три недели. Да уж, вот это я влипла...

Месяц январь, а точнее, его остаток, стал походить на круги ада Данте. С утра в школу (пока еду – читаю книги), в школе на переменах – читала книги, а год-то, к тому же, выпускной! После уроков консультации, между которыми я, естественно, читала. По дороге домой читала. Дома уроки, а между тем одним глазом в книгу да смотрела. А ещё маме надо было бы по-хорошему в быту помочь. Всё свободное время я посвящала этому Толстому, который меня порядком уже достал, а про гулянки, сон и нормальный режим питания я и вовсе забыла.

В третьем томе я нашла ссылку на сайт, но решила, что найду туда только тогда, когда дочитаю. Ведь не зря мне «кто-то» посоветовал быть повнимательнее, подумала я и внезапно была права. А ссылка, кстати, написана была очень хитро, очень близко к корешку, и поэтому я бы её не заметила, если бы просто пролистывала книгу: надо было именно читать, широко раскрывая её.

Когда я дочитала это безобразие, я позволила себе просто отоспаться целые сутки, ведь если кто решил, что я преуве-

личивала в описании своих «скучных» будней, тот лучше бы мне не попадался.

И вот наконец я вбила в строку браузера координаты сайта (я почему-то ожидала большего), но мне открылся бесплатный сайт от Гугл, в шапке значилось:

«Password, please!» – а сразу под этой фразой стишок:

Вводи пароль! Какой? Сама узнаешь!

Коль первая загадку разгадаешь...

И форма для заполнения.

Больше ничего...

– И где я, по-твоему, должна взять этот дурацкий пароль? – хлопнув ладошками по коленкам, спросила я вслух, обращаясь к Первому, конечно же, понимая, что он не слышит. Но эмоции били через край.

«Дано девять слов, толком ничего не понятно», – подумала я, но решила отложить разгадку на утро. Сайт закинула в закладки, решив, что «утро вечера мудренее», легла спать.

Утром вернулась к компьютеру и начала увлекательное путешествие по сети интернет в поисках отгадки. Перерыла кучу сайтов с криптографией и в конце концов, перепробовав кучу комбинаций (буквы, цифры, слова), в итоге догадалась и ввела пароль:

«ПЕРВАЯ».

Страница обновилась, и меня встретило новое сообщение:

Викторина для отчаянных бойцов, 1 вопрос – 1 попытка.
Случайный факт из книги.

На главной сайта была анкета, состояла она из одного вопроса:

«Что сказал Кутузов в 4 томе, подъезжая к кавалеристам?»

Примечание: Не торопись. У тебя всего одна попытка. Напиши ответ точно как в книге».

Да это же легко, я вот недавно это читала.

«Дарю вам, ребята, эту колонну», – написала я и с размаху ударила по кнопке enter, воображая себя героиней сериала про хакеров.

«Жди, после модерации на сайте появится результат».

И тут-то я поседела, представив, что... «Да господи! Даже одна неверно поставленная запятая может всё испортить, да что ж я за балда-то такая!» – примерно в таком ключе я мыслила полчаса своей жизни, пока шла модерация. После очередного обновления текст на главной сменился, я сначала заметила это только периферийным зрением и, повернув голову к экрану, смогла разобрать текст:

«Что ж, согласишься, это было легко. Возьми сборник рассказов Чехова в любой библиотеке, от издательства «Буква», прочти его и возвращайся: тебя будет ждать новый вопрос, так же с одной попыткой. Знаешь, я возлагаю на тебя большие надежды, надеюсь, ты умненькая.» – текст был просто пропитан сарказмом – скажу больше, его ирония просто стекала вместе с капельками пота с моего лба: то ли он

думает, что я сдамся, то ли просто смеётся надо мной, но это подстёгивало меня ещё больше.

«Вот же гад!» – от громкого вскрика меня удержало лишь осознание наличия моих родителей дома.

Сборник Чехова, по крайней мере, дался мне гораздо легче, чем пресловутые томики от Толстого – будь он проклят, графоман безжалостный.

Вернувшись на сайт, я нашла новую анкету с одним вопросом:

«Здравствуй, в сборнике Чехова ты, наверно, читала великое множество рассказов. В одном из рассказов кто-то сказал фразу „За мужа выдана, за мужем быть и должна“, отвечай только имя. Помни, я считаю тебя умненькой, и если это окажется неправдой, я огорчусь: столько лет всё-таки тебя „растил“, удачи!»

Это имя я, к счастью, запомнила, из-за его необычности. Поэтому без вопросов или затраты времени на поиск ответа «в себе» ввела ответ и ожидала модерации, пока я ходила за чаем, она завершилась, и, обновив страницу, я увидела новые инструкции:

«Эх, ты меня даже умиляешь, ответ правильный. По классике мы прошлись, и мне стало тебя жалко, поэтому я подготовил тебе к прочтению серию книг „Артемис Фаул“: очень интересная, будет не так скучно, как в классике. Хотя она

и считается детско-подростковой серией, я, честно говоря, от неё фанатею до сих пор. На данный момент вышло 9 книг, но не думай о количестве, просто прочитай и насладись, вопрос, как всегда, будет лёгким. Обещаю. Желаю удачи!»

А в этих словах я узнала того самого Первого, того самого, каким он был, пока я его не нашла. Серию Йона Колфера я прикончила быстро, буквально за полтора месяца, не напрягаясь, не в ущерб учёбе и собственному режиму я расправилась с книгами. В середине апреля я вернулась на сайт, и там для меня был вопрос:

«Какое выражение частенько использовала Элфи Малой?»

– Д'арвит, – выругалась на эльфийском я.

«Правильный ответ, красавица. Последнее задание, тут уж придется поискать. В городе 8 библиотек, в которых есть книги Кристен Филис Каст, в одной из её книг, в одной из наших библиотек я оставил место и время встречи. Не опаздывай, пожалуйста, буду ждать, твой Первый!»

В городе восемнадцать библиотек, город состоит из четырёх районов – ну, не Москва, конечно, но покататься мне придётся. Я быстро накидала план работы.

– Найти адреса всех библиотек.

– В справочной узнать все номера и обзвонить с вопросом, есть ли у них книги Кристен Каст.

– Ехать в библиотеки, в которых есть её книги.

– Тупо перелистывать книги до изнеможения и стёртых

подушечек пальцев.

Прекрасно, план готов, но времени на его исполнение совсем не было. Полтора месяца как раз достаточное количество времени, чтобы хорошо подтянуться по учёбе или чтобы найти Первого.

Надо выбирать.

От учёбы зависело мое будущее: я готовилась поступать на механико-математический факультет. Эти насмешки Первого настолько отбили у меня всё желание видеть его, что я задумалась о том, чтобы не играть дальше. Учёба важнее, спасибо ему, конечно, за те пометки в учебнике алгебры, благодаря которым, я и выбрала своё будущее, но рушить его из-за Первого я не могла.

Тогда я оставила свои попытки, даже выбросила листок с адресами библиотек. Началась нудная подготовка. Я почти перестала читать, всё время уделяла прорешиванию вариантов: ЕГЭ все-таки не шутка, а большой балл был для меня путевкой на бюджет, что важно.

Для вечернего отдыха мне всё равно нужна была литература, и я сходила в ближайшую к дому библиотеку, перебирая полку подростковой литературы с надписью «Хит», я наткнулась на роман про вампиров из серии «Дом ночи», он назывался «Меченая».

Обратив внимание на красивую обложку и интересное

превью на заднем форзаце книги, я решила взять её к себе домой. Уже дома я принимала ванну в предвкушении как я лягу в кровать и... Познакомлюсь с вампирами, окунусь в их таинственный мир, мне всегда нравилось читать фэнтэзи перед сном, потому что потом мне снились сны по сюжету книг. Именно по этой причине хорроры я читала днём – ну, это так, к слову.

Вечером я допоздна читала книгу, хотя изначально собиралась лечь пораньше. Но это чтиво меня так увлекло...

Утром, разлепив глаза, я увидела корешок книги, на котором было написано, что автор – гребаная Кристен Филис Каст, и я решила, что это знак свыше – ну, как в кино. Поэтому я во что бы то ни стало должна найти Первого.

Вновь я составила список, вновь прозвонила все телефоны, и вот, запасшись терпением и рюкзаком с провизией, я отправилась в поход или даже в осаду библиотек нашего города.

Четыре дня подряд я внимательно осматривала книги в библиотеках, а к концу шестого дня я закончила только пять библиотек, впереди было ещё три и две недели до конца мая.

В последней библиотеке, которую я оставила на сладенькое, произведения великой писательницы о вампирах оказались дублированы, то есть одна книга, но много экземпляров – то ли мой инкогнито просчитался, то ли так и задумы-

валось? Впрочем, этого я всё равно никогда не узнаю, если не найду координаты вовремя.

Ещё через пять дней я закончила с последней библиотекой, так ничего не найдя, осознала патовость ситуации. Я в чёрном списке у Первого, даже если бы я пожаловалась ему, предложив вариант, что книгу мог кто-то взять, вероятность этого крайне мала.

Немного помучившись, я отказалась от идеи второй раз, правда, в этот раз было сложнее, потому что я уже поверила в близость встречи. Я почему-то чувствовала, что неправильно поступаю, меня что-то удерживало. По вечерам я продолжала читать книгу с полки «ХИТ», и она оказалась на самом деле очень интересной: не типичный роман, не слащавый, а сюжетная линия – прямо конфетка. Постепенно я втянулась в чтение этой книги и немного подзабыла о своих проблемах.

Ровно в середине книги было написано:

«Жду тебя в „Зелёной Роще“ 12.06, в 12.00».

И что самое главное, именно в тот момент я поняла, что самое лучшее чувство юмора у теории вероятности. Ну надо же... Первый пошёл в библиотеку, которая была ближе всех к моему дому. А меня угораздило взять именно эту книгу, даже не подозревая, что там окажется эта спасительная надпись.

«Уф, успела», – именно эти слова заполняли мою голову, они как будто воздушный шарик бились о «стенки» головы

и всё повторялись и повторялись. Я наконец-то почувствовала облегчение.

А то, что так всё сложилось, даже лучше, ведь теперь у меня в запасе было время, чтобы сдать все экзамены, и проблема с первым решена.

...

Три недели прошли быстро, я была занята подготовкой к экзаменам, их сдачей, а также подготовкой к вступительным.

Когда наступило время встречи, я была почти равнодушна, ведь я выиграла, а туда приду только лишь затем, чтобы врезать ему как следует за эти его насмешки.

В тот день я даже не стала наряжаться, пришла как была: джинсы, футболка и кеды, но, увидев на лавочке юношу, который читал вторую книгу моей любимой серии, я замерла и не могла сдвинуться с места. Ни подойти, ни убежать. Спустя пару минут он, видимо, почувствовал мой взгляд и поднял голову.

«Боже мой, вот он, Первый, я увидела его впервые в жизни, я могу поговорить с ним, даже потрогать могу, если захочу. О Боже!» – в моей голове начал визжать голос какой-то малолетки, которая ко мне совсем никакого отношения не имела.

– Вам помочь? – спросил парень, заинтересованно рассматривая мои кеды с принтом крылышек по бокам.

«Не узнал, что ли?» – подумала я и сказала: – Я знаю, что это ты портишь библиотечные книги, не пытайся меня обмануть. Я столько лет тебя искала, и вот, ты попался...

– Ладно, можешь меня арестовать. Меня зовут Алексей, да ты и так, наверное, знаешь, общались же, — первый протянул мне руку.

Я смотрела на его руку, протянутую к моей, и на меня накатила внезапная истерика.

– Меня... зовут... Ва... – мне всё-таки не хватило воздуха в легких и самообладания, я не смогла сдержать слез, задыхаясь в облегающей истерике, я пыталась выговорить свое имя. – Ва... Ва... Я Лера, – выдохнула я с силой своё имя.

– Ты чего, боец? – удивился моему поведению первый.

– Слушай, да я полгода представляла, что сделаю что-то не правильно и никогда так и не познакомлюсь с тобой, ещё эти экзамены, и куча книг, которых мне пришлось прочесть. Осознаёшь ли ты, как сильно ты на меня давил и что я из-за тебя пережила? – я не могла остановиться, слова так и летели из моего рта и создавалось впечатление, что били его прямо по голове.

– Ладно, извини, я не подумал. Да даже если бы ты проиграла, я бы всё равно нашёл тебя сам, а игру придумал, потому что это в моем стиле: если бы не она, мы бы вообще никогда не познакомились, не так ли? – утешал меня первый. – Я тогда был не готов к встрече, проще говоря – струсил. И представь, образ Первого, столько лет загадочный и инте-

ресный разрушился бы от моего «Ой, извини, что-то я ссу!»?»

...

Когда я немного отошла, я задала Лёше вопрос:

– Как ты всё это устроил?

– На самом деле... – Лёша замялся, но продолжил: – Я тебе соврал: в тот день, когда ты мне написала, я был ещё в городе. И в тот же день я сделал проходку по библиотекам, расставил нужные записи, а ночью создал сайт: с ним вообще легко, форму анкеты можно хоть каждые пять минут менять.

– А почему нельзя было встретиться со мной просто так? – обиженно расплылась я.

– Я же говорю, я был не готов и спланировал всё так, чтобы мы познакомились перед весенней сессией, а после неё я бы приехал в город и мы бы познакомились вживую. А из-за того, что ты начала играть не по правилам, пришлось придумывать новую игру.

– Ну ты и гад, Первый! – я стукнула его кулаком в плечо и тут же задала ещё вопрос: – А помнишь, когда я подкидывала записочки в карман, я ведь и за тобой следила, ты вообще виду не подал. Как тебе это удалось? Твои родители случайно не партизаны?

– Ох, знала бы ты, как Штирлиц был близок к провалу...

...

– Лёш, я понимаю, что ты, возможно, устал от вопросов,

но можно задам последний? – мы шли в сторону моего дома, и я, понимая, что скоро мы разойдёмся, решила спросить самый главный вопрос, который не давал мне покоя все эти годы.

– Давай уж, раз начала, то задавай! – заинтересованно повернул голову парень.

– А зачем ты всё это затеял и как эта идея пришла тебе в голову?

– Это долгая история, скажу лишь одно.

У меня тоже...

...был свой ПЕРВЫЙ.

Новенький

Тяжело быть новеньким. Наверняка, каждому знакома эта ситуация. Даже если вам ни разу не приходилось переходить в новую школу.

Например, когда вы приходите на новое рабочее место, попадаете на вечеринку, куда вас пригласил ваш друг и кроме него вы там никого не знаете, а он сам уже ускакал общаться с кем-нибудь. И вот ты стоишь, смотришь на весь этот праздник жизни и просто не представляешь куда себя деть. Или, например, при переезде в другой район, где все соседи между собой знакомы, а дети уже давно дружат, попадаешь ровно ту же самую ситуацию. Ты — новенький. Так или иначе, рано или поздно, каждому из нас хоть раз в жиз-

ни выпадает шанс почувствовать себя «новеньким».

Тяжело входить в коллектив, где у каждого имеются свои предубеждения. А к чужакам всегда относятся с некоторым скептицизмом. Роли и ранги уже распределены, и повезет если тебя будут просто игнорировать. А не беспричинно ненавидеть.

К сожалению, в детском или подростковом коллективе, где очень важны эмоциональные связи, такой исход просто невозможен. Либо вливаешь в компанию и следуешь ее правилам, либо создаешь свои устои. Либо огребаешь, что, кстати, наиболее вероятно.

Эта история о том, как я и сам был новеньким.

Новеньким быть тяжело, особенно это тяжело если ты новенький не только в школе, но и в стране. Мало того, что иерархия здесь уже давно расформировалась, так ты еще и понятия не имеешь как тут все устроено.

Мой отец долго и верно работал в одной фирме и наконец, когда он добился некоторого признания, ему предложил работу его старый знакомый. Папа рассказывал о том, что его зовут на работу за границу. Этой «заграницей» оказалась Украина.

— Не такая уж и заграница! – я скептически покачал головой.

В России у меня осталось немного, во дворе я ни с кем не дружил, в школе тоже. Так же у меня была подруга по переписке из другого города, но последний год она мне совсем

не отвечала. Хотя я точно уверен, что она получила все мои письма, иначе они бы вернулись назад. Но меня порядком достало быть безответным, поэтому расставаться с родным домом было не то чтобы очень сложно. Хотя своей подруге я, конечно, пообещал, что буду ждать ее писем и буду писать сам. И, в принципе, даже верил, что все получится. Но...

— Здравствуйте ребята! У нас в классе пополнение, — вещала, размахивая руками, Евгения Петровна, моя новая классная руководительница. — Прошу любить и жаловать — Валентин Пономарев! — закончила классная и бросила горящий радостью взгляд в класс.

Вообще не понимаю, чему она так радовалась, может она с утра лотерею выиграла или в издательстве, наконец, приняли ее роман-автобиографию? Вряд ли она радовалась моему появлению на ее шее. Хотя, есть еще вариант, можно предположить, что это ее обычное воодушевление и к моему появлению это никак не относится, так что можно не льстить себе.

— Валентин... Ха-ха! — тут же послышался смешок одного из моих новых одноклассников, и по его лицу я понял, что быть лучшими друзьями мне с ним не светит, впрочем, не особенно-то я и хотел.

Вслед за смешком, потянулась чередка переглядываний и кивков, и я понял, что игнорировать меня точно не будут, но это была вовсе не радостная мысль.

— Садись, пока с Катенькой, хорошо? — Евгения Петровна

подтолкнула меня в спину.

— Как скажете, – без эмоций бросил я, продвигаясь к парте со свободным местом.

Пока я устраивался на новом месте, классная что-то рассказывала, внезапно она снова обратилась ко мне:

— Тебе нужна какая-нибудь помощь? – она подняла брови и вопросительно смотрела на меня.

— Спасибо... — я хотел отказаться, но задумался.

Все-таки уже одиннадцатый класс и мне грозит сдача экзаменов, а здесь другая программа, которая хоть в целом и похожа с той, по которой учился я, но без чужой помощи я буду испытывать трудности.

– Да, пожалуй, это мне здорово поможет.

— Ну... — Евгения Петровна призадумалась, при этом подпирая подбородок кулаком.

В таком положении классная смотрелась довольно забавно и напоминала известный смайлик.

— Дима, может ты поможешь? Успеваемость у тебя хорошая по всем предметам, еще и кружки успеваешь посещать, может и новенького вдохновишь своим примером. – Евгения Петровна обратилась к знакомому мне комментатору, который как-то неодобрительно среагировал на мое имя.

— Ой нет, Евгения Петровна, это уж как-нибудь без меня. Сами понимаете, — он многозначительно посмотрел сначала на классную, потом на меня. – мне некогда возиться со всякими... эм... недотепами, у меня и кружки, и дополнитель-

ные экзамены, да и не горю желанием я со всякими Валентинами каких-либо дел мутить. – Он снова победоносно хмыкнул, как будто издевательский акцент на моем имени должен был меня хоть сколько-нибудь задеть, этот идиот слегка не учел, что с этим именем, я вообще-то живу уже семнадцать лет и вот таких вот «оригиналов» я встречал точно не один и даже не два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.